

универсальные, то во всяком случае достаточно типичные черты этих парадигм.

Подытоживая рассмотрение коллективного труда «Функциональная стратификация языка», следует подчеркнуть, что эта монография является еще одним шагом на пути изучения функционального многообразия языков. Дальнейшие исследования в этом направлении, «каталогизация» функциональных парадигм разного типа, их сравнительное изучение создадут необходимые предпосылки к построению функциональной типологии языков. Начало этой типологии положено рецензируемой книгой.

Крысин Л. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. Типы наддиалектных форм языка. М., 1981.
2. Русский язык и советское общество. Кн. I—IV / Под ред. Панова М. В. М., 1968.
3. Швейцер А. Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М., 1983.
4. Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
5. Русская разговорная речь. М., 1973.
6. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы, словообразование, синтаксис. М., 1981.
7. Алпатов В. М. Категория вежливости в современном японском языке. М., 1975.

Топоров В. Н. Прусский язык. М.: Наука. [Т. 1]. 1975. 399 с.; [Т. 2]. 1979. 352 с.; [Т. 3]. 1980. 184 с.; [Т. 4]. 1984. 439 с.

Прусский язык, принадлежащий к западнобалтийским языкам, вышел из употребления примерно в начале XVIII в. [1, с. 26]. Первые попытки создания научного словаря этого языка были предприняты еще в прошлом веке. За небольшим словарем, приложенным к грамматике Г. Нессельмана [2], последовал словарь, составленный тем же автором [3] и содержащий, помимо лексики, известной по памятникам, некоторые топонимы и диалектизмы. Словари прусского языка, включающие ряд сведений по этимологии, имеются у Э. Бернекера [4], Р. Траутмана [5], Я. Эндзелина [6] и В. Мажюлиса [7]. Следует упомянуть также исследование топонимов, принадлежащее Г. Герулису [8], и работу Р. Трутмана по личным именам [9].

В. Н. Топоров указывал в предисловии к первому тому, что за этим томом последуют еще три, а также том, в котором будут «подведены итоги исследований в области сравнительно-исторической грамматики и лексики прусского языка». Последний том должен также включать «ряд соображений о месте этого языка среди других балтийских, о соотношении к славянскому этнолингвистическому комплексу, о связях с другими н.-е. языками» и о других темах, существенных для понимания прусского языка и народа (с. 3). Однако вышедший четвертый том словаря содержит заключительную часть глосс на *k-* и только первую часть слов на *l-* (до **laid-ik-*). Таким образом, работа явно должна превысить

по объему запланированные пять томов. Сказанное отнюдь не упрек в адрес автора, являющегося, на наш взгляд, одним из самых эрудированных лингвистов современности, а доказательство его желания как можно полнее и подробнее описать прусский язык и через него носителей этого языка — пруссов.

Работа В. Н. Топорова замечательна тем, что она содержит большое число слов, реконструированных на основании польских, немецких и других источников. Таким образом, словарь не только представляет во всей полноте лексику прусского языка, но и приводит данные предшествующих работ в соответствие с результатами новейших исследований. Поскольку носителей прусского языка уже нет, ученым приходится довольствоваться попыткой разгадать прусскую орфографию. В. Н. Топоров пишет, что «отношение графики к фонетике, буквы и звука продолжает оставаться камнем преткновения при решении слишком многих конкретных вопросов прусской грамматики и этимологии» (1, с. 9).

Твердой уверенности В. Мажюлиса и других ученых в адекватности прусской орфографии фонетическому строю языка В. Н. Топоров противопоставляет мнение автора этих строк о неоднозначном отношении между графическим и звуковым рядом, о «постулировании большой степени свободы между ними, допускающей многочисленность вариаций, вплоть до случаев, граничащих с произволом» (1, с. 10). Сам В. Н. Топоров пытается

маневрировать между этими двумя крайними точками зрения, хотя и говорит о предпочтительности более широкого взгляда на данную проблему. Пока, однако, «более... широкий взгляд еще не получил прав гражданства» (1, с. 10): автор указывает, что такой взгляд на графику приводит на путь, который чреват дополнительным риском, но оправдан самой природой наблюдаемых фактов. Было бы нецелесообразно отказываться от такого подхода, хотя он уводит нас в область предположений, а не точных выводов. Следует подчеркнуть, что неполное и не совсем последовательное соответствие орфографии фонетике — всеобщее явление. Подобный взгляд на орфографию обосновывается в наших работах [10—13]. Например, в [10, с. 305] указывается, что даже соблюдение последовательных орфографических принципов не означает с обязательностью правильной передачи звукового состава слова. Дж. Левин возражает на это: «Подобное утверждение может иметь смысл, только если мы определим текст как фонологическую, фонетическую или морфонологическую транскрипцию» [14, с. 204]. По его мнению, ни один серьезный исследователь текста не может дать такого определения. Дж. Левин продолжает: «Единственным показателем правильности записи является именно последовательность орфографической системы, особенно если изучаемый текст — первое воплощение последующих орфографических установлений» [14, с. 204]. Таким образом, по Дж. Левину, автора этих строк нельзя признать серьезным исследователем текстов, поскольку он исходит из того, что прусский текст был именно своего рода попыткой фонетической транскрипции. Кажется весьма странным, что у пруссов мог существовать некий абстрактный код, не имевший ничего общего с реальной фонетической системой (нельзя не учитывать, например, что по крайней мере катехизис народу читали вслух). Конечно, нам никогда не приходило в голову анализировать текст без обращения к действительным фактам звукового состава языка. В то же время здесь уместно сослаться на старолатышские тексты (хотя, как известно, двух одинаковых случаев не бывает). По Аугстгалну, которого цитирует Озол [15, с. 76], наиболее характерной чертой ранних латышских текстов являлась передача всех окончаний с кратким гласным через *e*. Если следовать Дж. Левину, надо заключить, что это «правильное» окончание: оно последовательно встречается во всех текстах и в самой этой встречаемости есть система. Иными словами, внутренняя реконструкция на основании текстов показывает, что такое окончание существовало. В от-

личие от Дж. Левина, мы считаем, что латышские тексты не являются по замыслу кодом какого-либо рода, а представляют собой попытку передать фонетическую действительность языка. При исследовании этой фонетической действительности имеет смысл исходить в первую очередь из фактов современного латышского языка, а уже потом — из старолатышских текстов. Итак, в отличие от Дж. Левина, мы считаем, что В. Н. Топоров вправе приводить в словарной статье транскрипцию слова или даже давать варианты этой транскрипции. Подобная практика имеет прецедент, установленный Э. Стертевантом [16]; его хеттская грамматика снабжена указателем слов, в котором за слоговой транскрипцией следует и фонетическая запись слова.

Статьи «Прусского словаря», которые могут быть примером стремления автора выявить варианты транскрипции, поражают своей подробностью и свидетельствуют о необычайной эрудиции В. Н. Топорова в области этимологии, мифологии, общей культуры. В качестве иллюстрации можно привести этимологию слова *clōkis* «медведь», которому автор посвящает почти девять страниц (4, с. 69—78). Словарная статья открывается обсуждением контекста, в котором слово *clōkis* представлено в Эльбингском словаре (оно значится там под номером 655, а соответствующий контекст задается словами 656. *Caltestisklok* «Czidelber», 657. *Wilks* «Wulf», 658. *Lape* «Vochz» и др.). Статья содержит отсылки к топонимам *Tlokunpelk*, *Tlokove*, *Lokow* и др., почерпнутым из [8]. Топонимический материал показывает, что развитие слова шло следующим путем: **lōkis* — **klōkis* — **lōkis*. Возможно, литов. *lokys* «медведь» происходит из **klākis* (< **tlākis*) с исчезновением *k*- в анлауте в результате диссимиляции. В. Н. Топоров упоминает также приводимое В. Кипарским [17] замечание Б. Блока о том, что в некоторых диалектах американского варианта английского языка [k] и [t] перед глухим [l] свободно варьируют; носители языка не различают [tl] и [kl].

По мнению автора этих строк [11, с. 123], в прусском мог существовать только один латеральный взрывной, который воспринимался одними носителями немецкого языка как велярный, а другими как дентальный.

Далее в рассматриваемой словарной статье отмечается, что **clōkis* может возводиться к **tlāk*, а значит, его нельзя связывать с литов. *lakti*, лтш. *lakt* «лизать». Славянское соответствие представлено серб.-хорв. *dlak* «волос, шерсть»; ср. также русск. *волкоблэк*, *волколак(а)* «оборотень, человек, превращающийся в вол-

ка». Подобные соответствия позволяют толковать прусск. **llokis* как «обладающий шкурой (шерстью)». Удаётся реконструировать праформу **tlak-/*dlak-*, которую, в свою очередь, можно сопоставить с реконструкцией и.-е. **/*k̑-s* или **/*k̑-s-o-s*, **/*k̑-to-s* «медведь» [18, с. 875]. К этой и.-е. форме возводятся др.-греч. *árktos*, хет. *ḫartagga-*, имя древнегреческой богини охоты Артемиды (В. Н. Топоров приводит также варианты этого имени, встречающиеся в лидийских надписях, — *Artimús, Artimul, Artimu-k*) и т. д. Др.-греч. *Arkades* сравнивается затем с хет. *ḫartagga-* «человек-медведь, медвежий человек». В. Н. Топоров указывает, что славянские и балтийские данные дают основания считать, что славяне и балты верили в мифического медведя-оборотня и что им был известен ритуал «медвежьих людей» (людей, облаченных в медвежью шкуру). В. Н. Топоров приводит также родственные древне- и средне-ирландское *art* (ср. ирл. *arth*, бретон. *krabanarz* «bear's-breecch») и ряд других родственных слов кельтских языков. Он отмечает, что баск. *hartz* «медведь» может быть заимствованием кельтского слова. Кроме того, он цитирует др.-инд. *īkṣa-*, авест. *arša*, родственные слова из иранских и дардских языков, арм. *arj* и алб. *arí*.

По В. Н. Топорову, «объяснения и.-е. слова для медведя до сих пор страдали недостоверностью в том, что касается происхождения этого слова или, по крайней мере, его семантических мотивировок». Так, название медведя связывалось с др.-инд. *rākṣas* «разрушение» или с авест. *raš-* «вредить, наносить ущерб». Как конкурирующие решения этимологии имени *Artemis* выступают указание на связь с обозначением медведя **art-* и указание на связь с др.-греч. *ártamos* «мясник», «повар». В. Н. Топоров полагает, что включение в данную группу слов и.-е. **/*dkos*, слав. **dlak-* и, таким образом, прусск. **llokis* (а соответственно, и литов. *lokys*, лтш. *lācis*) могло бы позволить думать об исходной внутренней форме со значением «обросший шерстью» или «косматый» (хотя существует возможность обратного хода развития — от «медведь» к «свойственный, присущий медведю» и затем к «медвежья шкура»). По мнению автора словаря, неясность и.-е. этимологии вынуждает предположить возможность заимствования, например, из месопотамского источника. Исходной, вероятно, была форма *ereqi* или *ereqat*, воспринятая уже во втором тысячелетии до н. э.

Возвращаясь к идее разрушения, связываемой с образом медведя, В. Н. Топоров замечает, что в своей недавней работе [19] Р. Эккерт разобрал устойчивые фразеологические сочетания, в ко-

торых слово, обозначающее медведя, сочетается со словами «ломать» и «драть». Ср., например, *Ogonь пошел медведя жечь, медведь пошел людей ломать*. Обсуждая эту проблему, В. Н. Топоров высказывает предположение о том, что литов. *lokiamušys* «медведеубийца» позволяет реконструировать «перевернутую» схему: *lokys* «медведь» и *mūšti* «бить». Связь образа медведя с идеей разрушения подтверждается и вост.-литов. *luðkyti* (ср. также *lo'kyti*) «разбивать лед, чтобы ловить рыбу» и в особенности приставочными глаголами *ap-luðkyti* «бить», *pri-luðkyti* «задавать трепку», *su-luðkyti* «побить».

Для того чтобы читатель мог составить представление о полноте описания, данного в словаре, укажем, что В. Н. Топоров отводит словарной статье **clokis* девять страниц и цитирует в ней около ста пятидесяти работ. В статье Э. Френкеля о литов. *lokys* «медведь» [20], занимающей чуть более столбца (около половины страницы,) цитируется восемнадцать работ. Около страницы посвящает И. Тишлер [21] хет. *ḫartagga-*, определяемому им как «Raubtier» (автор отмечает, что это слово обычно этимологизируется как «медведь»). В статье И. Тишлера всего около двадцати ссылок; в ней приводится только стандартное написание хеттского слова, тогда как В. Н. Топоров перечисляет варианты клинописной записи (*ḫar-tág-ga-aš, ḫa-ar-taq-qa, ḫar-ta-ka-aš*) и цитирует отрывок из хеттского строительного ритуала: ... *ḫar-tág-ga-aš-ma-aš-ma ša-ra-a ar-ki-iš-ki-it-ta* «... медведь взбирался на вас». Этот отрывок он даже сооставляет с мотивом влезания на дерево графа Шемёта из рассказа П. Мериме «Локис». В. Н. Топоров обращает внимание и на тот факт, что хеттское обозначение *LÜ ḫartagga-* «человек-медведь» — своего рода параллель обозначениям сходных ритуальных персонажей в соответствующих хеттских текстах, ср. *LÜ.MES UR.MAH* «люди-львы» и *LÜ.MES UR.BAR.RA* «люди-волки».

Все это свидетельствует о том, что работа В. Н. Топорова — много больше, чем словарь; это прекрасное справочное издание по сравнительной мифологии.

Великолепная статья посвящена прусской глагольной частице *-lai-* (маркирующей опатив и кондиционалис) (4, с. 418—436 [примеч. перев.]). Тщательный анализ глагольных форм на *-sei* и *-lai* позволяет В. Н. Топорову вслед за Х. Стангом [22, 23] предположить, что «формы на *-sei* семантически более п е з а в и с и м ы и обнаруживают свою опативность чаще и чище». Семантика форм на *-lai* затемнена и существенно варьирует в зависимости от окружения. Распределение частиц можно проиллюстрировать следующими примерами: *Twais swints Emgels*

baŭsei sen mām «Твой святой ангел да будет со мной» (реальный пример с глаголом в optative) и **As madli tien, kai twais swints Engels baulai (boŭlai) sen mām* «Молю тебя о том, чтобы был со мной твой святой ангел» (реконструированное предложение, смонтированное из реально засвидетельствованных частей). В первом случае глагол в optative стоит в главном предложении, во втором — в придаточном.

Далее (с. 429) В. Н. Топоров пишет, что обычно связь между славянским **li* и балтийским **lai* отрицается в силу слишком существенных различий по смыслу. Действительно, славянское **li* чаще всего появляется в вопросительных предложениях, а балтийское **lai* в пермиссивных или волютивных. Однако при внимательном взгляде на факты обнаруживается, что в балтийских языках имеются переходные явления, напоминающие случаи использования славянского **li* в вопросительных предложениях. В славянских языках, в свою очередь, **li* нередко употребляется в функции, сходной с функцией балтийского **lai* или даже абсолютно аналогичной ей.

В латышском, например, *lai* употребляется как в независимых, так и в подчиненных предложениях, для выражения сомнения; ср. соответственно: *Kuo lai daru* «Что мне делать» и *Es nezinu kuo lai es iesāku* «Не знаю, с чего начать». Такое употребление согласуется с употреблением русской частицы *ли*, служащей «в некоторых сочетаниях, первоначально вопросительных, для выражения сомнения, удивления и т. п.» [24, с. 206]. Недалеки от этого и другие функции **li*. Ср. уступительную функцию *ли* в древнерусском: *Въ градѣ(ѣ) въ немъ (же живеху) и въ имѣхъ окръстныхъ пошито ли единого члвѣка бояхуся* *Бѣ* (Изборник Святослава, 1078, 76), где *ли*=*хотя* (бы). Ср. также употребительное латышское выражение, например, *Lai diena, lai nakts man jāstrada* «День ли, ночь ли, мне надо работать (даже если сейчас день...)» и т. п.

Для балтийских языков актуален также вопрос о соотношении служебного *lai* с «однокоренным» глаголом — лтш. *laist*, литов. *lėisti* «разрешать». Каким путем шло развитие: превратился ли полнозначный глагол в союз, частицу, междометие или частица была «достоверна» до этого глагола, — остается неясным. Весьма неясен и вокализм и-е источника *laist/lėisti*; его, может быть, удалось бы объяснить, если исходить из того, что глагол развился из частицы, к которой был присоединен вербализатор *-d*. В связи с этим В. Н. Топоров приводит возможное хеттское соответствие — глагол *lāmi, laši, lai* «освобождать», вероятно (прямо это не утверждается), с корнем *la-*.

Довольно подробно обсуждается и возможность того, что хет. *ēšlu, ēšlut, ašalu* «ich will sein» и образования на *-li* в других и.-е. языках (тохарском, армянском, славянских, валлийском, корнском) могут быть связаны с балтийскими формами.

Обсуждение прусск. **lai* занимает восемнадцать страниц и, несомненно, является самым подробным во всей соответствующей литературе. Укажем, что и Эндзелин [6], и Станг [22] посвящают этой проблеме две страницы, а в [23] она излагается на четырех. Мы упоминаем здесь об этом лишь для того, чтобы показать, что словарь В. Н. Топорова может служить и справочником по сравнительной грамматике балтийских — равно как и других индоевропейских — языков.

Единственное, что может вызвать критические замечания в этой статье, — слишком незначительное различие рассматриваемых модальных значений. Это позволяет предполагать, что сходство в употреблении слав. **li* и балт. **lai* — результат естественного независимого развития языков соответствующих групп, а не следствие генетического родства. Но как бы то ни было, исторических доказательств, подтверждающих либо генетическое родство форм на *-li*, либо их независимое развитие в славянских и балтийских языках, нет и, видимо, не будет.

На с. 126 первого тома словаря В. Н. Топоров замечает, что прусская глагольная форма 1-го л. мн. ч. наст. вр. *asmai* совпадает с формой 1-го л. ед. ч. наст. вр. *asmai*, «что само по себе удивительно». Далее он пишет, что хотя в [5, с. 274] и [6, с. 105] допускается влияние форм 1-го л. ед. ч. на формы 1-го л. мн. ч., это «также кажется странным». В нашей работе [11, с. 239] тоже отвергалась возможность такого влияния одной формы на другую. Здесь, однако, нам хотелось бы отказаться от своего прежнего взгляда и высказать мнение, что форма 1-го л. ед. ч. *asmai* и форма 1-го л. мн. ч. *asmai* — это одна и та же форма. В связи с этим отметим, что в ряде английских диалектов форма *at* употребляется вместо формы *are* в сочетаниях с местоимениями *we, ye* и *they*; ср. *wæt* «we are» (по [25, с. 296—297]). В нашей ранней работе перечислялись языки, в которых формы 1-го л. ед. ч. и 1-го л. мн. ч. не совпадают, но теперь мы полагаем, что если та или иная черта представлена в большом числе языков, то это само по себе еще не составляет веского довода в пользу изучаемого явления [26, с. 17—18].

Заканчивая этот краткий обзор, мы хотели бы указать на наш комментарий словаря, данный в [27, с. 248—249]. В [11, с. 412—418] содержится наша оценка первого тома словаря. По завершении сло-

варь В. Н. Топорова станет, несомненно, одной из самых существенных этимологических работ в балтистике. В будущем ни одна сравнительно-историческая работа по индоевропеистике не сможет считаться законченной, если автор ее не обратится к рецензируемому словарю.

Шмальштиг У. Р.

Перевела с английского *Полинская М. С.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mažiulis V.* Prūsų kalbos paminklai. Vilnius, 1966.
2. *Nesselmann G. H. F.* Die Sprache der alten Preussen an ihren Ueberresten erläutert. Berlin, 1845.
3. *Nesselmann G. H. F.* Thesaurus linguae prussicae. Berlin, 1873.
4. *Berneker E.* Die preussische Sprache. Texte, Grammatik, etymologisches Wörterbuch. Strassburg, 1896.
5. *Trautmann R.* Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen, 1910.
6. *Endzelins J.* Senprau valoda. Riga, 1943 (перепечатано: *Endzelins J.* Darbu izlase. V. IV. 2. Riga, 1982).
7. *Mažiulis V.* Prūsų kalbos paminklai. II. Vilnius, 1981.
8. *Gerullis G.* Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin-Leipzig, 1922.
9. *Trautmann R.* Die altpreussischen Personennamen. Göttingen, 1925.
10. *Schmalstieg W. R.* An Old Prussian grammar. The phonology and morphology of the three catechisms. University Park—London, 1974.
11. *Schmalstieg W. R.* Studies in Old Prussian. A critical review of the relevant literature since 1945. University Park—London, 1976.
12. *Schmalstieg W. R.* Old Prussian and Hittite orthographic variants: A parallel // *Ponto-Baltica*. 1981. V. 1.
13. *Schmalstieg W. R.* // General linguistics. 1982. V. 22. № 3. Rec.: *Mažiulis V.* Prūsų kalbos paminklai. II.
14. *Levin J. F.* Graphology and sound change in Old Prussian // Papers from the 5th International conference on historical linguistics / Ed. by Ahlqvist A. Amsterdam, 1982.
15. *Ozols A.* Veclatviešu rakstu valoda. Riga, 1965.
16. *Sturtevant E. H.* A comparative grammar of the Hittite language. Revised edition. New Haven, London, 1951.
17. *Kiparsky V.* Altpreussische Miscellen // *Donum Balticum* / Ed. by Rūke-Dravina V. Stockholm, 1970.
18. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. B. 1. Bern—München, 1959.
19. *Eckert R.* Die lexikalische Verknüpfung von russ. *dratъ*, *lomatъ* «reissen, schinden» und *medvedъ* «Bär» und lett. *Lāčplēsis* // *Baltistica*. 1980. V. 16. № 2.
20. *Fraenkel E.* Litauisches etymologisches Wörterbuch. I—II. Heidelberg—Göttingen, 1962.
21. *Tischler J.* Hethitisches etymologisches Glossar. Innsbruck, 1977.
22. *Stang Chr.* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo—Bergen—Tromsø, 1966.
23. *Stang Chr.* Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942.
24. Словарь современного русского литературного языка. Т. 6. М.—Л., 1957.
25. *Wright J.* The English dialect grammar. Oxford, 1905.
26. *Schmalstieg W. R.* Indo-European linguistics. A new synthesis. University Park—London, 1980.
27. *Schmalstieg W. R.* Baltic etymological dictionaries // *Das etymologische Wörterbuch: Fragen der Konzeption und Gestaltung*/Hrsg. von Bammesberger A. Regensburg, 1983.

Михальченко В. Ю. Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс: Мокдас, 1984. 224 с.

Рецензируемая книга заполняет ощутимый пробел в социалингвистической литературе. Изучение функционирования и взаимодействия языков в различных регионах СССР позволяет выяснить соответствие основных параметров языковой жизни тенденциям общественного развития. Уже появились работы, посвященные проблемам двуязычия и многоязычия, языковым процессам и общест-

венным функциям языков в Азербайджане, Узбекистане, Туркмении, Казахстане, Таджикистане и Молдавии. Что же касается языковой ситуации в республиках Прибалтики, то она до сих пор не подвергалась монографическому исследованию. Перед нами первый опыт в этой области. Отметим, что значение труда В. Ю. Михальченко выходит за рамки региональной социалингвистики, в нем